Балканский детектив

Ирина Шишковская

Ирина Шишковская
Балканский детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64219298

Аннотация

В маленьком городке в одной далёкой стране на берегу тёплого моря наша соотечественница, решившая тут поселится, становится невольным свидетелем убийства и оказывается вовлечённой в расследование. Старые тайны из далёкого прошлого убивают и сейчас, семейные драмы приводят к трагедии, а иммигранты навсегда остаются чужаками.В сборник вошли три истории, произошедшие с главной героиней, а в них чужие тайны и прошлые жизни окружающих её людей.

Дом в тупике

Глава 1. Гугл знает все

В эту ночь под окнами опять газовала машина. Чертов гугл-мапс заводит в наш криво изогнутый переулок путешественников, которые едут через город транзитом. Днем они видят, что явно что-то не так, и успевают развернуться еще до того, как, попадя в тупик, увидят перед собой колодец двора и поймут, что теперь только задом назад, на дорогу, боясь поцарапаться о стены домов или налететь на столбик ограждения. Ночью же перед ними мелькают каменные улицы средневекового города, брусчатка, желтый свет фонарей, и так оказываются в западне. Самые осторожные из них едут медленно, и когда и без того узкая дорога становится еще уже, понимают, что что-то не то, останавливаются, включают «аварийку» и начинают проверять маршрут, водя пальцами по экрану телефона. И мигающий свет ее, отражаясь на стенах домов, виден в окнах двора. А те, кто быстр и смел и мчится, чтобы скорее-скорее, потому что уже скоро море, надо спешить, те заскакивают в переулок, поворот, потом еще поворот, и вот перед ними двор-колодец и дальше дороги нет. Они газуют, выезжая, будя нас, обитателей, злясь и нервничая, и вот уже слышен скрежет металла по камню, потому что злость – худший помощник при таких маневрах.

Мы ставили знак «кирпич», мэрия его сняла, потому что это незаконно, ведь на самом деле проезд не закрыт; писали на большом картоне, что проезда нет, но после первого

же дождя скинулись нашим двором, как всегда без господина Герша, тот никогда не дает денег, и заказали железную, покрытую эмалью, красивую табличку, большую, на которой четкими черными буквами написано, что дальше двор и тупик. Повесили ее высоко, настолько, чтобы румынские цыгане, обдирающие все, что плохо висит, не смогли бы ее содрать, но достаточно низко, чтобы ее было видно даже тем из водителей, кто не смотрит по сторонам, и конечно, в свете фонаря, чтобы и ночью они ее видели, но все равно находились такие путешественники, которые или ее не замечали, или верили не ей, а гуглу. Этот был явно один из таких. Но что-то слишком долго он не может выехать.

Теперь машина стояла на месте, двигатель работал шумно, как обычно у дизельных машин, но никуда не ехала, фары горели, освещая двор.

Мне показалось, что в квартире господина Герша дрогнула занавеска и за ней мелькнуло его острое, скуластое лицо. Весь дом напротив принадлежал этому Гершу. Когда я купила свою маленькую квартирку на втором, а по местным правилам – первом этаже, и поселилась в этом дворе, то господин Герш, высокий, худой, но еще достаточно крепкий старик далеко за восемьдесят с пятнистой кожей, обтягивающей его тело в одних местах и свисающей в других, уже жил тут. Он был местным долгожителем и, в отличие от остальных обитателей двора, родился в том самом доме, где и жил теперь, не забывая напоминать нам всем, чужакам, о том, кто

тут хозяин.

Моя соседка снизу, живущая в партере госпожа с фамилией, которую невозможно было выговорить, но я сейчас попробую, Перчш, и которую я дальше буду назвать по имени – Анет, наша главная активистка, самоназначенная глава нашего сообщества, рассказала, что, конечно же, господин Герш не жил здесь, пока у власти были коммунисты, он жил в Австрии, но с реституцией вернулся в родной городок и поселился в своем семейном доме, первым делом выгнав всех жильцов из своих квартир.

Анет, можно сказать, повезло: они с мужем, покойным господином Перчшем, жили в доме, который наследники собственников сразу же выставили на продажу поквартирно. Как ни было тяжело, но они изо всех сил постарались и выкупили свою. Надо мной жили супруги Войниковы, немолодая бездетная пара, которая каждую пятницу цепляла к своей шкоде два велосипеда и уезжала кататься на все выходные.

В доме, который замыкал наш двор и которого вроде бы как, по логике гугла, не должно было быть на карте, но который стоял там с пятнадцатого или шестнадцатого века, квартиры были значительно больше. На первом этаже, все никак не избавлюсь от нашей привычки говорить на первый этаж первый, жили супруги Шварц, пенсионеры из Германии, которые наконец-то, отработав сколько положено, вышли на пенсию и смогли переехать сюда, в заранее купленное жилье, ближе к солнцу, морю и вину из холодного и сы-

рого Берлина. Над ними – одинокий мужчина, немногословный господин, который так и не удосужился вставить бумажку со своей фамилией напротив кнопки звонка на двери в дом, но Анет считала, что его зовут Карл, поэтому буду звать его Карлом. А вот над Карлом жило семейство с двумя мальчуганами лет 7-9, объектами постоянных претензий господина Герша. Его родители носили разные фамилии, но отец был Брук, а может быть, мать, неважно, поэтому пусть будет это семейство Брук.

Господин Герш сдавал всю свою недвижимость, кроме квартирки как раз напротив моей, где жил сам. Слыл он в нашем городе арендодателем жадным и конфликтным, поэтому только люди, у которых совершенно не было выбора, могли нанимать его квартиры. Но и их в мае Герш выгонял – начинался сезон, и сдача посуточно становилась выгоднее в разы.

Как-то так получилось, что и земля нашего двора принадлежала Гершу. Мы могли ходить через двор, тут он не мог нам воспрепятствовать, но парковать машины не разрешал категорически. И сколько мы все ни вели с ним переговоры, писали жалобы в мэрию, но он оставался непреклонен и, несмотря на свою жадность, не хотел сдавать нам места для парковки.

– Машина – это глупость, – говорил он на все наши аргументы, – ходите пешком! Или пользуйтесь автобусом.

Спорить было бесполезно, мы ставили машины вне дво-

ра, но и этого ему казалось мало, поэтому весь наш двор был утыкан столбиками. Теперь вы понимаете, как конкретно этого господина раздражали случайно попадающие в наш двор путешественники.

Глава 2. Почему он не уезжает

Тем временем очередной потеряшка оставался на месте и никуда не уезжал. Я посмотрела на часы. Было 2:48. Сейчас, пожалуй, господин Герш уже звонит в полицию, без сомнения.

Я оказалась права. Минут через 10 во двор въехала патрульная машина. Один из полицейских вышел и подошел к застрявшему туристу, он наклонился к окну водительской двери, а потом что-то проговорил в рацию. К машине с другой стороны подошел его напарник и посветил в машину фонариком. Из двери дома напротив появилось привидение в застиранном синем халате, надетом нараспашку на полосатую пижаму. Герш прокричал, перекрикивая двигатель:

– Заглушите ему мотор, ну же, чего вы ждете?!

Полицейские обернулись разом, и один из них велел Гершу зайти в дом и не мешать.

Двигатель заглушили через пять минут, когда приехали еще полицейские. И тогда ко мне в дверь забарабанила Анет:

– Убийство! У нас убийство!

Полицейские пошли по квартирам. Анет ждала их у меня, чем вызвала недовольство полицейского, который перед этим долго звонил в ее дверь.

Я рассказала, что видела, сказала и про время. Анет, увы, спала и ровным счетом ничего не видела и не слышала. Полицейский поднял от блокнота удивленные глаза:

– И не проснулись?

Анет не проснулась. Это все новые беруши. До их покупки она бы проснулась сто раз, но с ними – нет.

– Но вы же все равно потом проснулись? – полицейский явно сомневался в ее показаниях.

Потом да, потому что она захотела пить. Встала и увидела свет фар, пробивавшийся через ее такие плотные шторы, вот, кстати, еще одна причина ее глубокого сна. Ну тогда пришлось выглянуть в окно. Но первое, что она увидела, были полицейские, так что самое интересное она проспала.

Еле выпроводив Анет и увидев, что на часах почти 5 и смысла нет уже ложиться опять – буду разбитой весь день, решила сварить кофе и сесть поработать.

В полдень в дверь постучали.

На пороге стоял солидный мужчина в штатском светло-сером летнем костюме с блокнотом в руках. Представившись следователем, махнув удостоверением и тут же спрятав его во внутренний карман пиджака, и уточнив мое имя, спросил, может ли задать мне несколько вопросов. Не успел он зайти, как в дверь начала ломиться Анет. Следователь, наверное, решив, что мы живем вместе, не стал препятствовать ее присутствию. Анет уселась в кресло напротив следователя, который разместился во втором кресле, мне же осталось

сесть полубоком на краю дивана. На все его вопросы и на все мои ответы Анет пыталась вставить свои реплики. Наконец господину при исполнении это надоело, и он осадил ее вопросом, а собственно, кто она такая. Такая наглость, ее же знает весь город! Анет побагровела от досады, я же давилась смехом, глядя на них. Анет фыркнула и ушла на кухню. Допрос продолжился. Но нового я ничего рассказать не могла, повторила все то же, что и ночью, и опять не стала добавлять о том, что мне показалось, что я видела Герша в окне, вдруг мне это приснилось.

Когда следователь ушел, Анет принесла нам кофе. Да, я понимаю, что она хозяйничает у меня как у себя дома, но что поделать, в этом вся Анет, а у меня просто нет сил на борьбу с ней.

Во дворе уже было пусто: тело увезли еще ночью, а сейчас, с трудом разворачиваясь во дворе, выехал эвакуатор с синей машиной, зацепленной за задние колеса.

Анет опять уселась в кресло и начала рассказывать, что она узнала, пока я работала.

Убили несчастного ножом. Всадили по самую рукоятку в горло. Анет эффектно закатила глаза при этих словах. Сам он неизвестно кто, документов при нем не было, машина с нашими номерами, но полицейские между собой переговаривались, и Анет слышала, что машина – арендованная, из конторы в столице. Убитый совсем молодой, можно сказать мальчик, и тут слезы блеснули в ее глазах. Герш орал как по-

лоумный, требуя убрать машину как можно скорее. Даже полицейским пришлось пригрозить, что выпишут ему штраф. Ох, лучше бы они этого не говорили. Это раззадорило его еще сильнее, ведь разговор о деньгах. И Анет на этих словах рассмеялась. Тут же оборвала смех, перекрестилась, ну понятно, грех такой ревностной католичке смеяться, когда случилась такая страшная вещь, как убийство. Вот, пожалуй, и все новости. Конечно, никто толком ничего не видел. Полиция опросила всех жильцов. У Герша сейчас пусто, вчера только съехали какие-то англичане. Войновичи еще не вернулись, Карл спал, Бруки тоже, да и во двор у них выходит спальня детей, а их – выходит на улицу, Шварцы только переглядывались и повторяли «найн, найн». Оказалось, что машины во дворе ночью мешают двум людям – мне и Гершу.

Глава 3. Госпожа Шварц заговорила

На следующее утро я решила начать день с того, ради чего, собственно, переехала когда-то в этот городок на краю Европы. Возвращаясь с пляжа, встретила по дороге домой фрау Шварц. Мы никогда не разговаривали, я не знала немецкий, а она не знала других языков, кроме него, как я думала. Кивнув фрау Шварц, я уже собиралась пройти мимо, но вдруг она остановилась и начала говорить мне на не очень хорошем русском, тщательно подбирая слова и путая падежи, не знаю ли я, как связаться с полицейскими, которые ведут это дело. Причем полицейских она назвала «милиция». Я настолько растерялась, что напрочь забыла о том, что следователь оста-

вил мне свою визитку, как это обычно делается на случай, если я «что-то вспомню еще». О визитке я вспомнила дома, схватила ее и бросилась к Шварцам. Когда я нажала на звонок домофона, из динамика раздался мужской голос, явно герра Шварца. Я извинилась и на английском языке спросила его супругу. Шварц помолчал недолго и задал вопрос:

– Зачем?

– Ваша супруга просила у меня телефон полицейских.

– Зачем?

– Ну это она знает зачем, я ей его принесла.

– Спасибо, но он ей больше не нужен.

Динамик смолк. Сказать, что я удивилась, не сказать ничего. Зачем все это было? Фрау Шварц передумала разговаривать с полицией или муж запретил ей это делать?

Глава 4. Анет выпила, но ничего не прояснилось

Вечером ко мне постучала Анет. В руках она держала бутылку недорогого немецкого рислинга.

– Вот, ездила сегодня в «Лидл», а там на акции вино. Немецкое! Вижу, ты уже не работаешь, дай, думаю, зайду, проведаю, заодно выпьем вина, – затараторила она с порога.

Как Анет увидела, что я уже не работаю, для меня была загадка, но почему бы не выпить вина. Открыв холодильник, я нашла там кусочек бри и три груши. Не знаю, сочетается ли бри с рислингом и грушами, но можно попробовать. Пока я нарезала свои находки, Анет уже нашла бокалы и ушла со своей добычей на балкон.

– Будем пить на террасе, как туристы, – прокричала она оттуда. Ну, как туристы, значит, как туристы.

У Анет не было террасы, а во дворе злобный Герш не разрешал ставить ей ни столик со стульчиками, ни зонтик, наверное, потому в хорошую погоду Анет часто заходила, чтобы выманить меня на балкон если не вином, то кофе.

Мы уселись и стали медленно потягивать рислинг, который оказался весьма недурен, заедая его сыром и грушами.

Говорили вначале ни о чем, потом Анет слегка захмелела, и я молча слушала ее монолог. Рассказывала она о старых временах, как они жили «при коммунистах», бедно, но стабильно, какие были у них соседи, вспоминала и умерших, и уехавших в начале девяностых из дома Герша, этого ужасного, по мнению Анет, человека. Я слушала.

– Это теперь наш городок стал такой бойкий и шумный, полный иностранцев, ой, не обижайся, душечка, и туристов, раньше это был небольшой сонный городишко, почти рыбацкая деревня. И в таком городишке всё и все на виду, и обо всех судачат, всех обсуждают. Но кто больше всех на виду в таких городках? Правильно, богатые люди. Тут жило несколько богатых семей, и все они были евреи, а это многим не нравилось, конечно, были и бедные евреи, но это было уже не важно. Гершы были богаче всех. Старый Герш, еще дед нынешнего, приехал сюда с капиталом, открыл несколько магазинов, склад, держал бизнес в столице, а жил тут. Отец Герша все еще больше приумножил, но жили они скромно,

не стали строить новый дом, жили в этом. Служанкой у них была одна итальяночка, Лаура. И ходили грязные слухи, будто бы ребенок этой Лауры был от старшего брата нашего Герша, а то и вовсе от старика, мол, раз его старуха-жена родила Давида, то молодая итальянка тем более может от него родить. У Лауры был муж, контрабандист и пьяница Козетти, потому Лаура и продолжала работать на Гершей, позорясь. Их с Козетти сын рос на улице и слушал все эти гадости, которые говорили о нем и его матери, что не придавало ему уверенности в себе.

Тут в доме сбоку загорелись окна в квартире Карла.

– А вот, кстати! – Анет отхлебнула из бокала. – Карл этот тут поселился тоже из-за Герша. Раньше в этой квартире жила очень хорошая семья. Он из местных итальянцев, Росси их фамилия, жена его Мария, трое детей. Герш, как вернулся из Австрии, не давал им жизни. Обвинял, что из-за этого Росси погибли его, Герша, родные, а сам он попал в концлагерь как еврей, что это его, Росси, родные, а может и сам Росси его выдал немцам, называл его, и Марию, и их детей грязными итальяшками и фашистами. Все было ужасной глупостью, потому что этот Росси моложе меня, а я родилась после войны, и даже если что-то такое и было, то Росси, а уж тем более его дети тут ни при чем. Я сама не местная, моя деревня неподалеку, но в этом городке родился мой муж, и его родители тоже тут родились и прожили всю жизнь, и когда я рассказала своей покойной свекрови, да упокой Господь ее

душу, – Анет истово и размашисто перекрестилась и поцеловала кончики своих пальцев, – она только посмеялась, потому что все многочисленное семейство Гершей уехало отсюда в Швейцарию задолго до прихода фашистов, продав магазины и склад, а дом заколотив. А Лауру с ребенком забрали с собой, чем окончательно решили спор, от кого этот ребенок, потому что чего бояться честной итальянке, нужно ждать, когда сюда придут свои. Но дело было в том, что балбес Козетти с контрабандой нарвался на полицию и был убит. Что оставалось бедняжке тут делать самой, без работы и без мужа. Старики Росси жили в покосившейся хибарке возле моря и вряд ли даже знали кого-то из Гершей, разве что покупали продукты в их магазине. Поэтому обвинять Росси и его детей в бедах семейства Герш вообще не имел права. Хотя остальные евреи городка гинули в эту войну, и никто из них сюда не вернулся. Дом, в котором жили Росси, принадлежал такой семье, там не осталось никого, и этим счастливым людям не пришлось, как нам с мужем, тянуть жилы, выплачивая деньги за свою же квартиру, – голос Анет задрожал. – А когда сюда приехал Карл, Герш и его вздумал попрекать, потому что тот купил квартиру у «фашистов» Росси. Но этот Карл оказался не прост, ой как не прост, – Анет пьяно хихикнула, – и сказал Гершу, что еще надо проверить, в каком концлагере сидел тот. Это было очень грубо, мы все опешили, но Герш больше никогда не цеплялся к Карлу.

– А как же супруги Шварц? – спросила я. – Они же и вовсе

– немцы.

– Держится от них как можно дальше и к ним почему-то никаких претензий не имеет, – Анет икнула.

Вино было выпито, закуска – съедена, и я выпроводила ее домой.

Глава 5. Опять полиция

Утро началось тяжело. Рислинг был все-таки не так хорош, как казалось вчера. Ночью я плохо спала, сквозь сон слышала шум сверху через потолок. Войниковы никак не могли угомониться: мебель они, что ли, переставляют? Когда я только сварила кофе на кухне и собиралась выйти с ним на балкон, то услышала страшный шум во дворе, голоса, крики, звук резко тормозящего автомобиля, опять крики. Я бросилась к окну, но выглянуть не успела, потому что в дверь настойчиво позвонили. Я заметалась с риском расплескать кофе, но все-таки побежала открывать.

На пороге стоял давешний полицейский.

– Разрешите войти? – спросил он, и я попятилась, пропуская его в квартиру.

Уж не знаю, что нового он хотел от меня услышать, но мне нужен был кофе, а пить его одной было неприлично, потому я предложила и ему. На удивление, следователь не отказался, и мы перешли из гостиной на кухню. Ему я варила свежий, сама с тоской смотрела на свой, остывающей в чашке, но пить его сейчас, пока гость без кофе, посчитала неприличным.

– Вы давно знаете своих соседей сверху? – неожиданно спросил тот.

– Войниковых? Да я их знаю с самого приезда сюда, но нельзя сказать, что знаю, вижу, здороваюсь, вижу, как они уезжают с паркинга на своей шкоде в горы.

– Почему в горы?

– Они едут с горными велосипедами, так что вроде как логично.

Мой собеседник сделал пометку в блокноте. А я-то думала, что это у нас светская беседа, чтобы не сидеть молча.

– А что случилось с Войниковыми? Их подозревают?

– В чем? – вопросом на вопрос ответил полицейский.

– В убийстве того молодого человека.

– Нет! Их подозревают совсем в другом. К ним часто ходили гости? Много ли они получали посылок? Общались ли близко с кем-то из соседей? – продолжал сыпать вопросами следователь, так и не объяснив, что случилось.

В этот момент в квартиру, воспользовавшись тем, что я в суматохе забыла запереть дверь, с криком ворвалась Анет:

– Войниковых арестовали!

Следователь раздраженно захлопнул блокнот.

– Мадам! – только и смог сказать он.

Анет на секунду осеклась и притормозила, но тут же заявила, что очень жаль, что ее не застали, и она сразу поняла, где господин полицейский, и теперь вся к его услугам и готова отвечать на вопросы.

– Никто к ним особо не ходил, бывал кузен Войниковой и, пожалуй, все. Живут они в доме давно, еще с коммунистических времен. Вернее, жили тогда тут родители Войниковой, тогда Кововой, и она с ними с сестрой, потом сестра ушла в монастырь, – Анет перекрестилась, – хотя была талантливой скрипачкой и подавала надежды. Войникова вышла замуж, родители уехали в деревню, ближе к горам, откуда были родом. Войниковым Бог не дал детишек, потому, несмотря на возраст, они живут как молодые, много ездят, катаются на велосипедах. Войников работает в другом городе, а она – учитель в школе. Но они очень приличные люди, очень, – с жаром продолжала Анет, – даже не верится, что их арестовали за такие ужасные дела. Вот просто не верится. Такие люди и вдруг наркотики!

Я чуть не выронила чашку, которую ставила перед полицейским.

Глава 6. Не все так просто

Выйдя днем на почту, я снова встретила госпожу Шварц. В прежние времена, живя на родине, я бы подошла и спросила «какого черта это было?», но в своей новой жизни я научилась более сдержанно высказывать недовольство. Я кивнула ей, но госпожа Шварц, вместо того чтобы так же кивнуть, воровато огляделась по сторонам и ринулась ко мне:

– Мне надо с вами поговорить!

– Я иду на почту, давайте встретимся там.

Немка пришла в отделение через полчаса. Я уже решила,

что она передумала, и собралась уходить.

В лучших традициях шпионских романов Шварц подошла к стойке с открытками и начала медленно изучать ассортимент. Я решила тоже купить пару поздравлений, оставшихся с Пасхи, а почему бы и нет.

Не оборачиваясь ко мне, глядя перед собой, Шварц проговорила:

– Герш выдает себя за кого-то другого.

– Почему вы так решили?

– Он не знает немецкого.

– Возможно, он хотел бы забыть этот язык?

– О нет, он не знает его, даже не понимает простые слова. Одно дело не хотеть говорить, постараться забыть, но если тебе кричат по-немецки в момент опасности, ты поймешь.

И Шварц рассказала, что в прошлом году она столкнулась с Гершем в соседнем городе, куда все мы ездили за крупными покупками. Вернее, она его увидела, а он ее – нет. И тут она видит, что Герш, не глядя, переходит дорогу, а на него на большой скорости несется автомобиль, потом оказалось, что у машины отказали тормоза. Шварц закричала, по-немецки естественно, «осторожно! машина!», но Герш даже ухом не повел. Слава богу, машина пролетела мимо буквально в паре сантиметров.

– Возможно, он туговат на ухо? – предположила я.

– Нет, нет, – фрау покачала головой, – у Герша великолепный слух, даже слишком хорош для его возраста. После

этого случая я подбежала к нему удостовериться, все ли в порядке, но Герш явно ни слова не понял и поспешил уйти. Мой муж считает, что это глупость и нельзя сообщать о таком в полицию, но я думаю, что раз убили человека, то полиция, – она опять сказала «милиция», – должна знать о всех сомнительных моментах.

А вечером ко мне в гости опять пришла Анет. Она напекла маленьких булочек.

– Сегодня будем без вина, – смущенно хихикая, сказала она.

Я пересказала ей разговор с фрау Шварц, не придавая ему особого значения. Но Анет, как раз наоборот, очень заинтересовалась.

– Забыла вчера рассказать, что у Гершей было трое детей: старший, тогда почти юноша, не помню, называла ли его имя моя свекровь, дочь Рахиль, юная девушка, еще подросток, но уже обещающая быть первой красавицей, и маленький мальчик, то ли 30-го, то ли 31-го года рождения, совсем ребенок, пухлый малыш Давид, который вот превратился в этого желчного скрягу – Герша. И я думала, что хорошо, прошло столько времени, и, возможно, Рахиль и брата нет в живых, но где их дети и внуки, почему за собственностью вернулся только Герш?

– У Герша же вроде бы нет детей, возможно, его сестра и брат умерли бездетными, – предположила я.

– Возможно, возможно, – задумчиво сказала Анет.

– А разве тебя не интересуют твои соседи? – продолжила она и ткнула пальцем вверх, намекая на Войновичей. – Ох, я сегодня была на рынке и все узнала. Они торговали наркотиками. Под видом поездки в горы они ездили через границу и перевозили их туда-сюда, а их не досматривали, потому что они солидная пара с велосипедами, граждане ЕС, приличные люди. Но вчера что-то пошло не так, и за ними пришли. Вот как все оказалось скверно.

В этот момент с балкона мы увидели, как во двор заезжает полицейская машина.

– Что опять?! – возбужденно вскричала Анет.

Из машины вылез наш уже знакомый следователь в своем неизменном сером костюме и направился к соседнему дому.

– О боже, – Анет так подалась вперед, что пришлось ей схватиться за перила, чтобы не выпасть, – он звонит в домофон Карла.

Глава 7. Еще одно убийство

Карл пропал. Полиция все-таки попала в его квартиру, застала там страшный беспорядок, распахнутые дверцы шкафов, разбросанные вещи и полное отсутствие каких-либо фотографий и документов.

– Боже мой, я целыми днями только и смотрю в окно, но, когда что-то происходит в нашем дворе, я или сплю, или на рынке и все пропускаю, – сокрушалась Анет.

Следователь опять пошел по квартирам опрашивать соседей и очень удивился, не застав ее у меня.

Мне было очень жаль, но я тоже не видела отъезда Карла, но мне так хотелось хоть чем-то помочь такому милому человеку, который осыпал меня комплиментами, что я уже великолепно говорю на его родном языке и, в отличие от других иностранцев, не брезгую учить его. Это была явная отсылка к семейству Шварц. И как-то само собой вышло, что я рассказала о нашем разговоре на почте. Хотя я тут же извинилась и добавила, что, возможно, все это не очень важно, а скорее всего, неважно вовсе, господин из полиции, наоборот, заинтересовался и случаем, и выводами, из него сделанными.

На удивление, весь следующий день прошел в нашем тупике спокойно. И удивительные вещи продолжились и вечером: Анет не пришла ко мне.

Следующим утром я ее не видела, а ее окошко на кухне, из которого она мне машет, когда я иду мимо, было зашторено.

«Неужели уехала куда-то и ничего мне не сказала?» – подумала я. Но встревожилась, когда в местном магазинчике продавщица и она же хозяйка попросила передать Анет, что ее заказ, который она просила привезти специально, прибыл еще вчера, и почему она его не забирает и не отвечает на телефон.

Я постучала в дверь квартиры в партере, еще раз, и еще. За дверью было тихо. Я нашла дома записанный «на всякий случай» телефон Анет, гудки продолжались бесконечно, но никто не брал трубку. И мне казалось, что я слышу звук зво-

нящего телефона в квартире снизу. Тогда я отыскала визитку, которая так и не пригодилась фрау Шварц, и набрала следователя.

Анет лежала мертвая в луже уже запекшейся крови на своей кухоньке. Рядом валялась массивная югославская пепельница из хрусталя, на которой прилипло что-то желтое вперемешку с рыжими крашеными волосами моей подруги.

Когда скорая, которую следователь вызвал на мой обморок, уже уехала, он присел на край дивана, где я лежала после всех уколов и капель, отказавшись от госпитализации.

– Расскажите очень подробно, что произошло накануне, – попросил он.

Я силилась вспомнить весь наш разговор с Анет до мельчайших подробностей. И удивительно, но история о брате и сестре нашего Герша его очень заинтересовала.

– Это только в рассказах о мисс Марпл следователь делится с одним из свидетелей всеми подробностями, в реальной жизни так никто не делает, – начал он, – но я когда-то все расскажу вам, но чтобы было кому рассказывать, прошу, чтобы вы были очень, просто предельны осторожны. Возможно, эти события не связаны между собой, а возможно, и нет. Жилец из соседнего дома, как вы его почему-то все называете Карл, а на самом деле он совершенно не Карл, скорее всего, связан с Войниковыми и их криминальным бизнесом, а покойная что-то знала, или узнала, или поделилась со свойственной ей излишней активностью с кем-то. И воз-

можно, кто-то думает, что и с вами поделилась, поэтому никому двери не открывайте, сами в темное время суток не ходите. Я сейчас подал прошение на постоянный полицейский патруль, иначе у вас во дворе скоро никого не останется из живых.

Следователь ушел, я закрыла дверь, как он велел. «Бедная Анет, бедная, бедная», – думала я. И тут меня просто осенило: «Нас могли услышать!» Вот когда мы сидели на балконе и разговаривали, и Анет уже хлебнула лишнего, а ее голос был слышен далеко, по всему двору. Я взяла листочек и начала по пунктам записывать, что же она мне рассказала.

Глава 8. Карл возвращается, а Герш собирается уезжать

Я увидела, что Карл вернулся, когда утром курила на балконе. Во двор заехала машина, из нее вышел уже почти ставший мне родным следователь, а с заднего сиденья полицейский вывел Карла в наручниках, и они все вместе направились в сторону соседнего дома. За этой процессией наблюдала не только я. Герш маячил и сверкал своей плешью в окне. Его в последнее время не было ни видно, ни слышно. Отсиживался у себя в квартире. В магазинчике дамы судачили, что Герш болеет и золовка одной из них, помогающая Гершу по хозяйству, как добавила дама, «за желтые монетки», принесла ему продукты и пустые коробки, в которые Герш целыми днями пакует какие-то вещи.

Уж не собирается ли уезжать наш сосед? Пока полиция и Карл были в доме, во двор заехала и тут же застряла от

непривычных маневров еще одна машина – большой белый бус транспортной компании. Неумелый водитель пытался развернуться, но полицейская машина, которая совсем не выглядела как полицейская, загородила ему проезд. Водитель курьерской фирмы начал недовольно сигналить. На этот шум из окна квартиры Карла выглянул следователь, а из своей – Герш, который тут же спрятался обратно и задернул занавески. Я взяла сумку, надела шляпу и вышла, делая вид, что иду за покупками. Возле буса уже стоял мой знакомый и проверял у водителя документы. Увидев меня, спросил:

– Вы в курсе, что господин Герш заказал перевозку вещей?

– После смерти Анет я теперь вообще не в курсе местной жизни.

Следователь пошел к двери дома Герша и надавил звонок. Дверь ему открывали минут пять, не меньше. На пороге стоял Герш, замотанный в какое-то тряпье, которое, я так понимаю, должно было символизировать его тяжелую болезнь и постельный режим. Следователь зашел вовнутрь, а мне пришлось продолжать и дальше изображать идущую за покупками, и я пошла купить себе персиков.

Когда я вернулась, во дворе уже не было ни курьерской машины, ни полицейских. Не было Анет, которая бы рассказала, что тут произошло.

Глава 9. Правда

Супруги Шварц уехали на следующее утро. Погрузили ве-

щи в машину и переехали в отель, как успела мне сказать по-русски госпожа Шварц, добавив, что это все слишком, а господин Шварц считает, что если бы им так хотелось криминальных историй, то какой смысл был уезжать из Берлина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.